

Приспособляемость

Владимир ГОРСКИЙ

Всегда были и, вероятно, будут люди, материально не обеспеченные.

Не только теперь, но и до войны часто раздавались горькие стенания на дороговизну жизни.

Моя бабушка, например, лет тридцать тому назад приходила в священный ужас, когда за десяток яиц брали двадцать копеек, а телятину продавали по двадцать восемь копеек фунт. По ея глубокому убеждению, “при таких ценах не хватит никаких доходов”.

Когда в первый год войны цены поползли в гору, мы в отчаянии вопили:

— Так жить нельзя! Ведь дойдем до того, что за фунт мяса или за десяток яиц по полтиннику платить придётся! А масло, глядишь, до рубля доведут!

Милые, наивные мечты... Если бы они сбылись сейчас! Да ведь мы благословляли бы судьбу за такую удивительную... дешевизну.

До войны заработок в 1200 рублей в год считался вполне приличным, и был доступен сравнительно немногим избранным. Но на сто рублей в месяц семье жить было трудно. Ведь надо всем обуться, одеться, а сколько-нибудь сносное мужское или женское платье обходилось в 30–40 рублей, обувь — 5–6 рублей пара, галоши — 2–3 рубля и т. д. При самой заботливой экономии на стол уходило не меньше 50 рублей да плюс еще квартира, отопление, освещение...

Да, трудно было жить прилично на “приличный” сторублевый заработок. И глубоко правы были люди, жаловавшиеся на непомерную дороговизну жизни.

Впрочем, это всё-таки были “счастливы”. А как ухитрялись изворачиваться семьи, месячный бюджет которых составляли немногие десятки рублей,— для меня всегда оставалось загадкой.

Так или иначе, но люди жили. Хотя они ни секунды не сомневались в том, что “дальше идти и некуда”, что “если жизнь вздорожает еще больше, никто не выдержит”.

Прошли два с половиной года войны. Напомню только, что сторублёвый месячный заработок окончательно утратил былую репутацию “приличного” и превратился в двадцатирублевку довоенного времени.

Правда, теперь людей, зарабатывающих в месяц выше ста рублей, стало несравненно больше, чем прежде, но стоимость жизни возросла (и, увы, продолжает расти) совершенно не в соответствии с повышением заработка.

Теперь сносный мужской костюм обходится уже не в 40, а в 240 рублей, за десяток яиц мы платим 70 коп., за фунт сливочного масла — 2 рубля 10 коп., за сажень дров, вместо бывших 8–9 рублей — 34 рубля и т. д.

При таких условиях 3 рубля в день буквально “не знаешь куда девать”, потому что их едва хватит на какую-нибудь одну статью дневных расходов, а таких статей у семьи много.

Однако... мы всё-таки живём. Вовим, жалуемся, ворчим, но живём. И даже не совсем плохо живём. Даже плохо одетых людей мало видим. Даже торговли предметами роскоши делают хорошие дела.

Говорят, что деньги тратят главным образом мародёры и спекулянты, а средний, трудовой обыватель чуть ли не голодает.

Бросим эти сказки. Слава Богу, никто у нас не голодает. А если мы испытываем кое-какие неудобства, то это вполне нормально в такое время.

Как бы то ни было, все живут, все одеты, обуты, и, “рассудку вопреки, наперекор стихиям”, питаются. И даже театры все переполнены.

Мало того: сейчас, как никогда, переполнены рестораны.

Прежде — при бюджете в 100 рублей, считалось роскошью поставить на стол бутылку настоящего шампанского стоимостью 7 рублей. Такая роскошь допускалась лишь в самых

торжественных случаях.

Теперь — люди, буквально едва сводящие концы с концами, с восторгом сообщают знакомым, что им удалось за 7–8 рублей достать “настоящего” портвейна.

Повторяю, что это — не мародёры, не спекулянты, а самые рядовые обыватели, люди труда.

В чём же дело?..

Мне кажется, что ларчик открывается просто: мы приспособились. В этом — наше великое счастье.

Человек — удивительное существо. Его способность приспособляться — беспредельна. Нет положения, с которым он не мог бы свыкнуться, примириться.

Сажают, например, человека в каземат Шлиссельбургской крепости. Проходят десятки лет. Он не только жив, но и бодр. Когда перед ним распахиваются двери, он выходит на волю свежий, энергичный, как юноша. Таков, между прочим, Н.А. Морозов.

Ссылают человека в северный медвежий угол Сибири. Куда не только никакой Макар телят не гонял, но где всякий уважающий себя телёнок через полгода сдохнет от тоски и бескормицы. А человек, живший раньше в довольстве и холе, купавшийся в теплых солнечных лучах, живёт себе среди тундры и снега, и через десяток лет возвращается на родину, будто он просто путешествовал.

Ни одно животное в мире не отличается такой приспособляемостью, как человек. И в этом, повторяю, кроется наше великое счастье. Этим объясняется наша способность жить и не унывать при всяких условиях.

Ценным даром приспособляемости нас наградила мудрая природа. Нам остаётся только пользоваться им, “не зарывать таланта в землю”.

Тем более что это делается почти незаметно.

Разберемся, например, в том процессе приспособления, который так магически и быстро (всего в два с половиной года) совершился с нами.

Как и до войны, все мы живём под крышей. Но нам пришлось немного потесниться: взять квартиру поменьше или сдать одну-две комнаты. Существенного ущерба нам это не принесло. Просто — отказались от излишнего удобства. И, право, это можно было бы сделать и раньше.

Как и раньше, все мы одеты и обуты. Но теперь приходится возобновлять платье и обувь с большой оглядкой. Мы уже не бросим сапоги, когда на них проносится подошва или появится трещинка, а дадим их починить.

Платье мы постараемся освежить, переделать. Шляпу — тоже. Галоши — зальем. И ничего страшного не происходит. Напротив того — в нас и главное в наших детях воспитывается здоровое чувство разумной бережливости, мы приучаемся ценить вещи. Пойдём дальше, к самому злободневному вопросу: продовольственному.

И здесь картина та же: приходится экономить, рассчитывать и отказываться от некоторых привычек. И только.

Ведь надо же сознаться, что пищевых продуктов у нас достаточно. Благодаря спекулянтам, эти продукты, правда, дороги. Ну что же, ничего не поделаешь. Злясь и ворча, мы отказываемся от телятины и ветчины, стараемся забыть о существовании гусей, уток и прочей живности. Мы придумываем всевозможные “комбинации” из овощей и... живем, питаемся.

Вспомним недавнее прошлое.

Как безмерно мы возмущались, когда нам прислуга приносила из булочной хлеб, недостаточно пропечённый или не совсем безукоризненный по внешности!

Разве многие из нас не говорили (и при том — совершенно убеждённо), что без калача — или другого определенного сорта хлеба — мы не можем пить чай?

И вот... сейчас мы вполне довольны, если получаем хоть какой-нибудь хлеб. А если нам удаётся добыть хорошего хлеба, домашней выпечки, мы уже готовы считать себя прямо счастливыми.

Нас возмущает и нервирует стояние в “хвостах”. Но, по существу, в этом стоянии виноваты мы сами. Зачем, например, люди стоят часами для получения сахара, когда введена карточная система, и тот же сахар можно получить завтра или через неделю? А в булочных всякий старается добыть вдвое больше хлеба, чем ему нужно на день. “На всякий случай”.

Впрочем, дело не в нашей нервности и неуравновешенности, а в том, что и к “хвостам” мы так или иначе приспособились: выработались свои обычаи, нигде не писанные, но и для всех обязательные законы о соблюдении очереди, временных “отпусках” и т. д.

Да, решительно ко всему может приспособиться человек, а раз это так, мы обязаны напрягать свою приспособляемость до крайних пределов. Только при таком условии мы будем, хотя бы относительно, удовлетворены. Ведь давно сказана великая истина, что “не тот беден, у кого мало, а тот, кто хочет большего”.

Ведь, например, ни одному здоровому человеку в мире не придёт в голову мысль, что он счастлив потому, что не кричит от зубной боли.

Но когда после мучительных приступов зубной боли он вдруг снова почувствует себя здоровым, Божий мир покажется ему прекрасным, как никогда. Человек счастлив, потому что не кричит от боли.

Так и в вопросе о приспособляемости. Когда, с течением времени, настоящая дороговизна отойдёт в область преданий, человек, который до войны чувствовал себя несчастным при скромном заработке, вдруг увидит, что он — настоящий богач. Потому что он научился приспособляться и к ещё худшим условиям.

Кроме того, во всём этом есть и ещё одна очень хорошая, утешительная сторона: развивая и укрепляя способность приспособляемости, мы тем самым воспитываем в себе волю, совершенствуемся.

Кончится война, постепенно разлившаяся река жизни вернётся в свое нормальное русло. Дороговизна пойдёт на убыль, но вместе с тем понизятся и заработки.

Однако мы, научившиеся приспособляться, подавившие в себе многие привычки и далеко не безупречные наклонности, будем чувствовать себя лучше, чем до войны.

Разве это не утешительно?

И в том, что мы находим такое утешение, тоже сказывается мудрая приспособляемость.

Побольше бодрости, понимания великой важности переживаемого момента, и, главное, — поменьше нужно нытья, ровно ничем не оправдываемого, и все пойдёт хорошо.

Напомню слова Вильяма Теккерея:

“Посейте поступок — и вы пожнёте привычку, посейте привычку — и вы пожнёте характер, посейте характер — и вы пожнёте судьбу”.

“Журнал для хозяек”, 1916